

Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости

Владимир Штоль

Постсоветские новые независимые государства занимают территории, входящие в понятие периферийно-контактная зона, которая сформировалась в результате борьбы более сильных держав за мировое

лидерство, за ресурсы и жизненное пространство. Эти сопредельные территории оказались в составе Российской империи в процессе исторического развития по различным причинам.

Краткий экскурс в историю.

На русской земле первое устойчивое государственное образование сложилось к 882 г. Именно вокруг этого древнерусского государства, созданного восточными славянами, объединялись тесно связанные с ними экономическим и культурным развитием народы Поволжья, а затем тюркские народы южных степей.

Древнерусское государство к XII в. стало одним из крупнейших в Европе и на Ближнем Востоке. Во второй половине XV в. усилилась централизация Русского государства, расширились его владения между Днепром и Днестром, была окончательно ликвидирована зависимость от Золотой Орды. При Иване IV Московская Русь вышла к Каспийскому

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор Центрально-Европейского Университета в Скалице (Словакия). E-mail: observer@gu.ru

Ключевые слова: ННГ, самоидентификация, национализм, этнокультурная доминанта, Средняя Азия, Молдавия, Прибалтика, Приднестровье.

морю, завоевав Казанское и Астраханское ханства и сделав Волгу русской рекой.

После добровольного вхождения в состав Русского государства большей части территории башкир, за исключением зауральских, его границы дошли до Урала, затем к нему была присоединена Сибирь. Страна к концу XVI в. стала многонациональной. В XVII в. Переяславская рада (1654 г.) приняла решение о воссоединении Украины с Россией. В 1792 г. Крым был включен в Таврическую губернию Российской империи.

В 1801 г. Восточная Грузия добровольно вошла в состав империи на основании Георгиевского трактата (1783 г.), определившим переход Грузии под покровительство России. В 1828 г. были присоединены Азербайджан и Восточная Армения, а в 1829 г. – Западная Грузия и Западная Армения.

Во второй половине XIX в. (1860 г.) в состав России были включены территории современного Хабаровского и Дальневосточного краев, а также остров Сахалин*.

В конце XIX в. составной частью Российской империи стали огромные районы Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения), причем многие добровольно.

Стоит подчеркнуть, что империи западного типа складывались исключительно насильственным путем, сопровождаемым расизмом и физическим уничтожением коренного населения. Включение же в состав России сопредельных территорий шло в основном мирным путем до естественных географических границ (горные цепи, океан и т.д.) способствовало образованию единого государства, ускоренному преобразованию существовавших на присоединенных территориях различных кланов, племен и племенных объединений в народности, а затем и нации.

Просторы Сибири, Урала, Кавказа и Средней Азии превратили Российское государство в великую евра-

зийскую державу, в которой все её народы могли жить и развиваться независимо от национальности и конфессиональной принадлежности. В этом заключалась особенность Российского многонационального государства. И империей оно стало по социально-экономическому потенциалу, а не по агрессивности внешней политики.

Выдающийся русский философ и политический мыслитель И.А.Ильин писал: «Россия есть единый живой организм. Глупо и невежественно сводить её исторический рост к “скопидомству Мономаховичей”, к “империализму царей”...»

Тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать

* В состав Российской империи входил и полуостров Аляска, где еще в XVIII в. был основан ряд поселений, а в 1799 г. была создана Российско-американская компания. В 1867 г. Аляска была продана правительством России США.

“скрижали” русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путём, хотя ни один из этих других народов, наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом...

Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей... а в органическое целое»¹.

Советского Союза 20 лет тому назад не стало и обострились проблемы контактных территорий на постсоветском пространстве. Нахождение народов в контактной зоне формирует особую психологию, некие комплексы, которые составляют подсознательный уровень их коллективного сознания.

В целом постсоветский период для бывших граждан СССР характеризовался сменой самоидентификации, что является типичным при распаде полиэтнических государств. Это проявляется в уходе от прежней надэтнической ценностной системы ориентации и в попытках возвращения к своим историческим корням, национальной культуре и традициям, обострением противоречий в культурной сфере и их политизацией. Как следствие – создание суверенной государственности проектировалось исключительно на этнонациональной основе. Поэтому этнокультурная доминанта являлась опреде-

ляющей в предоставлении гражданства, и как результат – вело к выдавливанию нетитульных народов.

И если возвращение к национальным корням и традициям носит часто исключительно показной характер, то очистка территории от нетитульного населения проводится планомерно и жестко. В какой-то степени это связано с тем, что нетитульное население имело более высокий культурно-образовательный уровень и как следствие – большой материальный достаток (что было в СССР) по сравнению с местной элитой, т.е. вопрос упирался в человеческую жадность и зависть, но в постсоветский период под это была подведена политическая основа.

Таким образом, складывается ситуация, когда первостепенное право на территорию государства и гражданство прямо или косвенно претендовала титульная этническая группа или этническое на данный исторический момент большинство. Такое происходит не только в результате навязанной господствующей элитой националистической идеологии и(или) определенной политики государства, но и естественного выражения своего самосознания через язык, культуру и этнонациональные мифы. В любом случае этнокультурная и языковая доминанта, а также историческая память, на чем спекулирует местная элита, объективно придает гражданским и государственным институтам националистический характер. Создается некая иерархия культур и этнических групп населения. При этом не обязательно речь идет о численности той или иной эт-

нокультурной группы. Элиты, представляющие меньшинства, могут опираться на мощь государственных институтов и использовать их для распространения своей культуры и(или) ассимиляции и натурализации представителей других этнокультур, а то и переселения на другие территории, в том числе и за пределы нового государства.

Однако приобретение той или иной этнической группой своей государственности не гарантирует создания условий для наиболее полного культурного развития. Тем более сомнителен путь национального возрождения за счет снижения социального статуса другой культуры и сужения сферы ее функционирования.

Поэтому параллельно с процессом, связанным с конфликтом ценностей, развивается социальный конфликт. Так, определенная либерализация общественных отношений на всех уровнях новых независимых государств вскрыла «интересы национальных, региональных и местных элит, соответственно обострив проблему централизации и децентрализации власти»², и «востребовала многообразия в сфере управления»². Подобное имело место на всем пространстве Евразии, но именно на ее перифериях – в контактных зонах – борьба элитных групп разного уровня и характера привела к вооруженным конфликтам. Здесь органы власти, еще не готовые к функционированию в период становления демократических институтов самоорганизации общества и не обладающей соответствующей культурой управления, столкнулись со сложной ситуацией, утратив контроль над ее развитием.

В современном мире национализм имеет две основные функции – психолого-мобилизационную и психолого-компенсаторную. Что касается его легитимационной функции, то она отодвинута на второй план из-за экспансии либерально-демократического дискурса, с одной стороны, и религиозных, конфессиональных систем легитимации – с другой. К национализму прибегают либо для мобилизации масс на борьбу с внешним или внутренним врагом (независимо от того, действительный он или мнимый), либо для компенсации некоторой коллективной травмы.

В настоящее время *компенсаторная функция национализма* вышла на первый план по сравнению с мобилизационной. Опыт двух мировых войн, разочарование людей во всеобщих целях, недоверие к собственным политическим лидерам – все эти факторы явно не способствуют коллективной мобилизации на основе общей национально-государственной принадлежности. В то же время использование националистической риторики для улучшения психологического самочувствия наиболее фрустрированной части общества оказалось весьма эффективным.

В контексте компенсаторного национализма можно рассмотреть и так называемый *религиозный фундаментализм*, получивший широкое распространение в исламском мире, в частности в странах *постсоветской Центральной Азии и республиках России* с преобладающим мусульманским населением. Некоторые исследователи сходятся во мнении, что в случае с новыми независимыми государствами Центральной Азии это

не что иное, как форма выражения уязвленного национального чувства.

Казалось бы, сам термин «религиозный национализм» содержит противоречие двух понятий. Религия, религиозная вера обращена к Богу, а не к государству и этнонации. Однако в реальной политической жизни это не так.

Например, для иранцев и сирийцев защита государственной независимости неотделима от отстаивания национального достоинства, а последнее артикулируется именно в религиозных терминах. Исламская идентичность в данном случае не противоречит национальной, а дополняет ее.

Национализм в Прибалтике имеет чисто этническое лицо.

Политическими элитами *Эстонии* и *Латвии* был выбран проект (этно)-национального светского государства. В этом проявилось нечто бессознательное, что копилось десятилетиями и столетиями – неудовлетворенное этнонациональное чувство прибалтийских народов. В настоящее время наблюдаются попытки реванша за все явные и мнимые обиды прошлого как такового.

Восточная Прибалтика исторически имела важное стратегическое значение и являлась объектом соперничества различных государств в течение столетий. Территории современных государств Эстонии, Латвии, Литвы в свое время входили в состав разных государств (Речь Посполита, Швеция, Ливония* и Российская

империя/СССР), что являлось частью сложного процесса формирования различных социально-политических общностей в Восточной Европе, их последующего развития и взаимодействия. Это не могло не сказаться на культурной специфике региона и особенностях национальной психологии.

Культура именно этих стран и оказала решающее влияние на этногенез восточноприбалтийских народов. Они сформировались как часть европейской культурной системы. В то же время соседство с евразийскими континентальными народами и пребывание Восточной Прибалтики в составе Российской империи в течение двух с лишним веков также определило зависимость ее развития от процессов, протекавших в евразийском пространстве, сказалось на ее культуре. Однако, несмотря на то что прибалтийские народы в целом сохранили самобытность, а после окончания Первой мировой войны и распада Российской империи создали свои государства, процесс образования наций у них оказался незавершенным, психологически неудовлетворенным и ущербным из-за начавшейся Второй мировой войны, когда они сначала вошли в состав СССР и нацистской Германии, а после её окончания – опять в СССР.

Отсутствие государственности как одного из важнейших идентификационных ориентиров национальной безопасности, а также периферийное положение в европейской

* Ливония – это территория современных Латвии и Эстонии, во второй четверти XIII в. завоеванная немецкими рыцарями; конфедерация пяти государств, включавшая Ливонский орден, Рижское архиепископство, Курляндское, Дерптское и Эзельское епископства.

культурной системе сформировало у прибалтийских народов ряд комплексов. Особенно это проявляется у представителей эстонской и латышской этнокультур.

Представители литовской культуры, имеющие длительную традицию собственной государственности, значительно увереннее чувствуют себя в процессах этнической самоидентификации.

Прибалтийские территории в политике Российской империи и СССР всегда занимали особое место не только из-за их стратегического положения, но и как территории, население которых наиболее отчетливо проявляло свою близость к западно-европейской культуре.

Постсоветский период развития и становления независимых прибалтийских государств начался под знаком восстановления их идентичности по отношению к независимым государствам Прибалтики, существовавшим в 1918–1940 гг. Причем речь шла не только о правовых аспектах этой преемственности, но и выражалось в стремлении реванша и попыток восстановить буквально досоветскую идентичность в ее прежнем этнодемографическом качестве. Иначе говоря, вопрос стоял об этнической чистоте постсоветской государственности и отрицании любых связей и аналогий с советским периодом. Последний, как известно, оценивается носителями прибалтийской культуры как режим оккупации и однозначно негативно. Конечно, было очевидно, что реально восстановить досоветскую идентичность невозможно, так как не только изменились сами представители

прибалтийских этнических групп, но и внешний мир, в частности Европа, к которой они себя причисляют.

Таким образом, налицо был кризис идентичности. Выход из него прибалтийцы в чем-то на подсознательном уровне и на уровне внутриполитической конъюнктуры видели в ужесточении психологической дихотомической оппозиции «мы – они», в реанимации тех мобилизующих факторов, которые в прошлом способствовали их этнической консолидации.

Первоначально основой национального самоутверждения стала критика советского прошлого. Она началась еще в 80-е годы. Основания для критики, претензий и просто обиды обывателей действительно могли существовать. В постсоветский период представители прибалтийских общин не могли удержаться от проявлений русофобии, характерной для западной культуры в целом³, особенно для стран, соприкасающихся с Россией и русскими. Более того, причисляя себя к европейскому сообществу, прибалтийцы учитывали и упущенные возможности⁴, которые на фоне послевоенных достижений ряда европейских стран Балтийского бассейна выглядели весьма значительными.

Но главным было не это, а то, что элиты Прибалтики стремились создать себе моральное оправдание для принятия фактически репрессивных мер по отношению к русскому и русскоязычному населению и осуществить исторический реванш за советское прошлое.

При этом прибалтийская сторона добровольно взяла на себя миссию «защиты» западной демократии от

современной России. Последнее необходимо было странам Прибалтики как для собственного самоутверждения, так и для демонстрации возвращения себе европейской идентичности.

Юго-Западная, или Приднестровско-Прикарпатская, контактная зона является территорией взаимодействия евразийской, балкано-карпатской и европейской культур и сопряжения соответствующих менталитетов и психологий. А в геополитическом отношении – это результат взаимодействия политических систем: Российской, Оттоманской и Австро-Венгерской империй, а позднее СССР и Румынии.

В целом эта зона, представленная территориями современной Республики Молдова, западными районами Одесской области и южными прикарпатскими районами Украины, в момент распада СССР ориентировалась внутрь Евразии (исключая украинское Прикарпатье), что определялось политическими и экономическими особенностями организации евразийского пространства в советский период и исторической спецификой его формирования. Хотя исторические и культурные связи молдавских территорий с Балканами (Румынией) и Европой сохранялись.

Приднестровско-Прикарпатская контактная зона по своим характеристикам представляет культуру четко выраженного синтезированного типа⁵, так как преобладающие

здесь романские этнические группы имеют в своей культуре значительный славянский элемент⁶. Представители романской группы и другие проживающие здесь этнические группы пользуются русским языком как средством межэтнического общения⁷ и средством выхода в мировое информационное пространство.

Население современного молдавского государства состоит из двух основных компонентов: романо-молдавского и славянского, каждый из которых делится на группы. В молдавско-романской группе выделяют население, которое в различное историческое время входило в состав Румынского государства и, соответственно, более романизировано. Другая часть, непосредственно относящаяся к молдавской этнической группе, имеет в своей культуре элементы, являющиеся результатом контакта с русской культурой.

Славянский компонент представлен русской, украинской и болгарской этническими группами. Кроме того, в Молдавии проживает компактно тюркоязычная этногруппа гагаузов.

Смешанный состав населения говорит о различных исторических путях развития данных территорий. В лингвистическом плане доминируют два языка: русский и романо-молдавский. Территориально славянское и русскоязычное население сосредоточено в восточной части контактной зоны и геополитически ориентировано на Евразию, ибо эти террито-

* В XIV в. на данной территории существовали феодальные государства – Валахия и Молдавия, находившиеся под игом Османской империи (с XVI в.); в первой трети XIX в. эти княжества добились автономии и объединились в единое государство: с 1862 г. – Румынское княжество, а в 1881 г. – Королевство Румыния.

рии формировались непосредственно под эгидой Российской империи/СССР⁸.

Молдавско-романская этнокультурная идентичность контактной зоны старше славянской и формировалась на протяжении значительно более длительного периода. Ее истоки уходят во времена взаимодействия фракийских древних этнических групп Балкан с культурой Рима. В лингвистическом отношении у молдаван доминирует романский элемент, хотя можно отметить и славянские заимствования как результат раннесредневековой экспансии славянских племен на Балканы, так и более позднего контакта.

Важным культурным ориентиром молдавской идентичности является исторический факт существования на этих землях Молдавского княжества*, т.е. наличия в прошлом своей молдавской государственности. Другая группа романогворящего населения идентифицирует себя с Румынией. Одновременно для этих двух групп населения важное значение имеет факт существования объединенного Румынского государства с конца XIX в., когда в результате действия внешних сил (европейских держав, в том числе и России), молдаванами была «утрачена самостоятельная роль в историческом процессе, роль творца своей собственной национальной судьбы»⁹.

Особо отмечается, что образовавшееся в XIX в. единое государство – Румыния – шло по пути создания классического европейского «государства-нации на основе интеграции в одном государственном образовании близких по языку и культуре этносов»⁹. Тем самым подчерки-

вается, что население, которое позднее было включено в состав России оказалось «вне процессов формирования румынской нации»⁹.

У романогворящей части населения, проживающего в настоящее время в Молдавском государстве, преобладает идентификация по отношению именно к Молдавскому княжеству и, соответственно, к территориям, вполне исторически и культурно самоопределившимся. В Румынии также выделяют северороманское население, т.е. несмотря на бытующее мнение о существовании единого румынского этноса, сами романогворящие выделяют особую культурную молдавскую этническую группу.

Возникновение самостоятельного Румынского государства на Балканах в XIX в. создало определенную иерархию в отношениях двух романских групп. Румыны заняли по иерархии высшее место, так как имели свое государство. Молдавская группа, включенная в состав Российской империи, еще более закрепила за собой статус периферии романской лингвистической общности. Более того, территории проживания молдаван оказались и периферией евразийского геосоциального пространства: в составе Российской империи Молдавия была глухой провинцией. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. можно говорить уже о двойной периферийности.

Внешняя политическая воля и международные процессы сыграли свою роль в формировании культур романоязычных этнических групп, проживающих ныне в Молдавии и Румынии. Но не только их. Под их воздействие подпали также нероманоязычные группы, оказавшиеся в

составе соответственно России и Румынии. В частности, русскоязычному населению России/СССР в какой-то степени была отведена роль проводника государственной идеологии и политики.

Оформление романо-молдавской этнической культуры шло особенно интенсивно в советский период.

Появление в 1940 г. в Советском Союзе Молдавской ССР «благоотворно сказалось на укреплении молдавской этнонациональной идентичности»⁹. В состав союзной республики вошли территории молдавской автономии, выведенные из состава УССР, и части Бессарабии, перешедшие к СССР от Румынии. «Количественный рост массоносителя молдавского языка, государственность союзного уровня создавали благоприятные условия для национальной социализации молдаван»⁹, укрепляли их внутреннюю уверенность и повышали статус в молдавско-румынской иерархии отношений.

На утверждение молдавской этнокультурной идентичности позитивно повлияла общая политика советского государства на развитие «национальных окраин». Для своего времени это была во многом прогрессивная политика.

Но были и издержки, явившиеся следствием несовершенства методологической базы как национальной политики, так и самой государственной системы¹⁰, хотя сводить их только к «советизации» и «русификации» молдавской культуры было бы упрощением в понимании процессов, происходивших в евразийском регионе в советский период.

Важное значение для существования молдавской этнической группы

имело и то, что индустриализация территорий её постоянного проживания и повышающаяся интенсивность социальных и культурных процессов в мире способствовали интеграции молдавской этнической культуры в мировую, пусть даже и через посредничество российской культуры и русского языка. Потери части этнической самобытности были неизбежны при адаптации к постоянно изменяющейся реальности. Поэтому советизация и русификация молдавского этноса лишь частное проявление общемирового процесса контакта отдельных традиционных культур с нивелированной культурой индустриального и постиндустриального общества. Культура контактных зон объективно наиболее подвержена разрушительным процессам ассимиляции.

Образование в Приднестровско-Прикарпатской контактной зоне в постсоветское время нового государства с опорой на романо-молдавское культурное историческое пространство вступило в противоречие с существующей реальностью – полиэтничным составом населения и привело к новой структуризации интересов по этническому и лингвистическому признаку. Вполне закономерно, что в новой системе ориентации преобладали ценности этнического порядка как более близкие и понятные на данный период, чем еще незнакомые ценности общества демократического типа. Обращение к своему прошлому было первичным открытым протестом, проявлением долго сдерживаемого внутреннего несогласия с некоторыми ценностями советского периода.

Особенностью политических процессов в Приднестровско-Прикарпатской контактной зоне явилось то, что конфликтная ситуация начала вызревать в период «перестройки», когда в Молдавской ССР принимается решение о переходе с одной системы молдавской письменности на другую – с кириллицы на латиницу. Это вывело из равновесия этнополитическую ситуацию, существовавшую в советский период. Проявились противоположные и даже непримиримые позиции: у каждой была своя логика, вытекающая из своей системы идентификации¹¹.

Впоследствии, когда элиты, провозгласившие независимость Молдавии, начали осуществлять строительство нациогосударства с молдавско-романской культурной доминантой, конфликт идентичностей обострился, так как данный курс противоречил этнодемографической структуре Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны и психологии ее населения.

«Открытое противостояние больших масс людей» выявилось при принятии парламентом уже суверенной Молдавии законов в национально-языковой сфере². Причем линия противостояния четко обозначилась по территориальному признаку, подтверждая определенную полноту контактной зоны, т.е. отмеченную выше различную геополитическую ориентацию ее территорий.

Так, в районе левого берега Днестра большинство населения выступало за сохранение прежнего официального двуязычия и кириллицы в молдавской письменности¹¹.

Кроме того, действовал фактор разнонаправленной социально-по-

литической ценностной ориентации населения, который можно с определенной степенью условности обозначить как поддержка или неподдержка молдавской независимости. Опять же здесь проявились и особенности территориальной структуры контактной зоны. Население Приднестровья в своей основной массе ориентировалось на Россию и надеялось на ее поддержку в отстаивании своих интересов и ценностей, выступало за сохранение Союза его республик.

Наряду с полярными позициями наблюдалась и значительная «естественная инертность, консерватизм, боязнь неизвестного»¹². Соотношение крайней политической активности и пассивности населения способствовало обострению противоречий в обществе и переходу существующего конфликта из его латентного состояния в открытую форму.

Анализ этнодемографической структуры Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны говорил о необходимости применения гибких форм управления с обязательным участием в этом всех этнических групп, т.е. речь могла идти о федеративной концепции организации данного пространства. Но Кишинев не был готов так сразу отказаться от своей унитарной доктрины и идеологии возрождения молдавской нации. Вся административная практика нацстроительства осуществлялась с ориентацией на утверждение элит романо-молдавской культуры как монополистов в формировании внутренней и внешней политики Молдавии.

Основанием для этого служил титул государства, численное превос-

ходство молдаван и претензии называться коренным населением. Соответственно представители других групп административно переводились в разряд этнических меньшинств. Хотя историческая традиция формирования государственности диктовала такую логику поведения, но современная реальность, практика и политическая культура предполагали совершенно иной подход.

Во-первых, численное превосходство представителей романо-молдавской части населения было не столь значительным, чтобы односторонне решать вопросы развития независимой Молдавии.

Во-вторых, численный состав русского населения давал ему основания претендовать на участие в решении его статуса и вопросов развития его культуры.

В результате и возникли противоречия этнического характера. То, что в Молдавии существовали значительные территории с компактно проживающим русскоязычным населением, способствовало тому, что указанные противоречия локализовались пространственно.

Вследствие указанных причин на территориях Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны оформилось несколько этнополитических центров.

Одним стал Кишинев, представляющий интересы романо-молдавских элитных групп и претендующий на легитимность власти и одновременно на монополию в государственном строительстве независимой Молдавии.

Другим центром стал Тирасполь, который представлял интересы

элитных групп индустриальных районов Приднестровья и считал себя защитником интересов русскоязычной части населения. Первоначально речь шла о его особом автономном статусе. Но так как элиты Кишинева, находясь на самом начальном этапе своего самоутверждения, настаивали на унитарной доктрине молдавского независимого государства и не шли на переговоры по вопросу об автономии, а также экстремистские действия румыноориентированных радикалов привели к тому, что Тирасполь поставил вопрос о своей государственной независимости.

Был и третий центр. Это район Комрата, который сделал заявку на представление интересов компактно проживающих здесь гагаузов. Степень накала конфликта с Кишиневом была значительно меньше, чем с Тирасполем, так как на последнем концентрировалось все внимание центральной власти. При этом Комрат ограничивал свои требования лишь правом на автономию. В конечном итоге он добился своего. И, таким образом, практически речь зашла о реализации федеративной концепции государственного строительства.

Опыт разрешения кишиневско-комратских противоречий мог бы быть примером для разрешения противоречий Кишинева и Тирасполя. Но медлительность и националистическая ортодоксальность Кишинева способствовали утверждению района Приднестровья как фактически независимого политического образования.

В результате в Прикарпатско-Приднестровской зоне сложилась совершенно особая ситуация в евра-

зийском пространстве: компактно проживающее русскоязычное население сохранило контроль над политическим процессом на своей территории и создало достаточно авторитетные структуры самоорганизации. Расположенные здесь части Российской армии поддерживались населением не только из-за соображений безопасности, но и в силу совпадения культурно-ценностных ориентаций.

В контактной зоне особенно ощутимо проявлялось действие внешнего фактора. В данном случае – политических процессов, происходящих в соседней Румынии. Антироссийские настроения в Румынии «зачастую принимали открытые и резкие формы», причем «тональность задавали организации, единственной целью которых является “воссоединение” румынских земель, т.е. присоединение Молдовы к Румынии»¹³.

Итак, особенности контактных зон проявляются по всей западной периферии постсоветского пространства.

На западной периферии Евразии изначально в постсоветский период происходит процесс обособления Украины, Молдавии и государств Восточной Прибалтики от России.

Для народов, проживающих в периферийно-контактных зонах, актуализируется архетипическая дихотомия «мы – не мы», «мы лучше, чем они».

Современная политика новых государств осуществляется под знаком национального возрождения и имеет в определенной степени контрроссийскую психологию с элементами культурного и геополитического реваншизма. В ряде случаев ставится вопрос и о несоответствии русской этнокультуры местным обычаям.

Изменение статуса представителей русской этнокультуры в евразийском пространстве – это новая реальность.

Кризис евразийских идентичностей и нарастающие между ними противоречия ведут к тому, что культурная идентичность становится причиной конфликтов. В постсоветское время вопросы безопасности и образования наций рассматриваются народами контактных зон прежде всего через призму сохранения своей идентичности, но никак не в контексте демократизации и формирования на этой основе гражданского общества.

В Молдавии эти настроения находили поддержку у определенных кругов, в основном выходцев из тех районов, которые после Первой мировой войны входили в состав Румынии. Разделяла эти настроения и часть романоговорящей интеллигенции Молдавии.

Наиболее активно выступал за идею «присоединения» Народный фронт Молдовы. Его действия по пропаганде этой идеи, а также языковая политика Молдавского государства стимулировали территориальное размежевание молдавского общества.

Учитывая взятый курс на создание собственного государства приднестровской элитой, а радикалов из Народного фронта – на решение проблемы целостности молдавского государства силой, создаются условия для возникновения приднестровского вооруженного конфликта.

Примечания

- ¹ Ильин И.А. Россия есть живой организм // Сборник «Русская идея». М.: Республика. 1992.
- ² Мошняга В. Вооруженный конфликт в Республике Молдова и проблема перемещенных лиц // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. С. 86.
- ³ Люкс Л. О возникновении русофобии на Западе // Полис. 1993. № 1. С. 173–178.
- ⁴ Эстония. 1992. 15 января.
- ⁵ Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- ⁶ Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 43–47.
- ⁷ Белоусов В.Н. Функционирование русского языка как средства межнационального общения в иноязычной среде // Славянские культуры в иноязычной среде. Кишинев, 1995. С. 136–138.
- ⁸ Негру О.И. Социально-экономическое развитие Левобережного Приднестровья в конце XVIII – первой половины XIX в. Кишинев, 1994. С. 78–81.
- ⁹ Мошняга В. Язык, этнонациональная идентичность и упрочение независимой государственности // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. С. 52, 53.
- ¹⁰ Бинюк В., Мошняга В. Восстановление тоталитарно-коммунистического режима в Молдавии: силовые структуры и нарушение прав человека (начальный период) // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. Ч. V.
- ¹¹ Бабилунга Н.В., Самоний О.Г. У истоков националистического движения в МССР // Вестник Приднестровского университета. 1993. № 1. С. 17–18.
- ¹² Илацук Д., Спичей Ф., Завтрук А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитического анализа. Кишинев, 1992. С. 10–11.
- ¹³ Мокин В.Г. Развитие политической ситуации в Румынии в переходный период: автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1996. С. 17.